

1. Шумилов А.В. Адъютант академии (Г.В. Стеллер) // Знание – сила. 1984. № 6. - С. 33-35.
2. Стеллер Г.В. Дневник плавания с Берингом к берегам Америки, 1741–1742 / ред., предисл. и коммент. А.К. Станюковича. М., 1995. - С. 30-35.
3. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2. XVIII в. (первая половина). М.; Л., 1965. - С. 254-258.
4. Копылов В.Е. Окрик памяти. Книга первая. Тюмень, 2000. - илл. 32, С.68.

Ярков А. П.

НЕМЦЫ ПО ОБЕ СТОРОНЫ АРКТИЧЕСКОГО ФРОНТА И В ПОСЛЕВОЕННОЕ ВРЕМЯ

В силу огромного перечня причин немцы из Германии и СССР оказались в середине XX в. по обе стороны идеологического противостояния и реального фронта не только в Европе, но и в Сибири. Малоизвестно, что север Тюменской области и Красноярского края оказался втянутым в события Второй мировой войны.

Дело в том, что еще в 1940 г. по трассе Севморпути (проложенной 8 годами раньше экспедицией на ледоколе «Седов» под руководством Героя Советского Союза О. Ю. Шмидта) прошел германский вспомогательный крейсер «Comet», замаскированный под торговое судно «Donau». Символично, что путь ему торили ледоколы «Ленин» и «Сталин». Советская сторона слишком поздно поняла, зачем посланный с корабля гидросамолет «Agado-196» летал над Карским морем, а команда проводила несанкционированные высадки на сушу. Выйдя без разрешения советских властей на просторы Тихого океана, «волк скинул овечью шкуру» и потопил шесть английских транспортов водоизмещением 43 тыс. т. [1] Правда о трагедии и участии (правда невольном) в этом советской стороны скрывалась от граждан СССР, а в Германии стала известной лишь из публикации 1943 г. в «Hamburger Fremdenblatt». Манипулирование массовым сознанием характерно для любых тоталитарных режимов, а в условиях «зыбкой дружбы» между правительствами А. Гитлера и И. Сталина подобная информация могла «сместить акценты в оценке событий» обычными гражданами, хотя гестапо и НКВД пресекали попытки их публично озвучить.

Северный морской путь лег «разграничительной линией» по судьбам говорящих на одном языке (но мыслящих по разному) немцев в СССР и Германии – заложников и, одновременно, акторов событий в Евразии. Советский Союз осознал опасность ситуации (для себя и союзников) с началом Великой Отечественной войны, когда СМП стал стратегически важным: по нему шли грузы ленд-лиза, снимая напряжение с Транссибирской магистрали; Норильский комбинат обеспечивался сырьём и поставлял готовую продукцию; северные регионы получали уголь, продовольствие и оборудование для станций слежения и метеонаблюдения. СМП стал единственной «дорогой жизни», связывавшей районы Северной Сибири. Но и у противника были определены стратегические цели: в директиве германского ОКВ от 21 июля 1942 г. подчеркивалось, что наступление вермахта нацелено на то, чтобы отрезать Советский Союз «от Кавказа и, следовательно, от основных источников нефти», находится в непосредственной связи с другой задачей – «отрезать также северную линию снабжения, соединяющую Советский Союз с англосаксонскими державами» [2]. Таким образом, важным условием быстрого сокрушения СССР нацистское командование считало установку транспортно-экономической блокады по всему периметру его границ, включая районы Крайнего Севера.

В преодолении этого блокирования принимали участие и советские немцы: переведенный в тыл бывший военный летчик А. А. Тимлер летал над сибирским Заполярьем, обеспечивая потребности СМП; с Героем Советского Союза Кренкелем постоянно поддерживали связь все авиаторы и полярники севера. С другой стороны, некоторые из числа немцев и австрийцев, как А. П. Пугачаш – сын оставшегося в Сибири

после гражданской военнопленного, участвовали в боях на фронте, скрывая происхождение. Это, безусловно, были «плоды» советской системы воспитания советских немцев, считавшие свой труд не героическим, а обыденным, обслуживающим интересы сражающегося Отечества. Говоря о *части* немцев и *некоторых* немцах, а не абсолютной – для всего немецкого мира СССР сущности, следует различать три уровня *немецкости* – как базы «национального естества»: на уровне политиков; на уровне элиты (не все из элиты являлись политиками); на уровне массы, которая различается: по уровню ассимиляции, аккультурации, образовательному цензу, отрыву от «немецких корней». Поэтому нельзя однозначно оценивать вклад в Победу, как и судьбы трудармейцев, научной и технической интеллигенции, ссыльных, оказавшихся на севере Сибири, где их путь (чисто гипотетически) мог пересечься с высажившимися на берега Ямала гитлеровскими подводниками.

Дело в том, что северное побережье Сибири в 1942-1944 гг. оказалось правым флангом Арктического фронта: туда заходил крейсер «Адмирал Шеер», базировала летающая лодка, блуждали 11 подлодок *Kriegsmarine*, которым противостояли легко вооруженные бывшие руболовецкие суденышки и ледоколы, артбатарея на о-ве Диксон. Тем не менее, не сдались, а приняли неравный бой ледокол «Седов» и тральщики, сопровождавшие пароход «Марина Раскова», доставлявший смену зимовщиков и членов их семей. Зная из радиоперехватов и видевшие в перископ мирный транспорт подводники субмарины, не испытывали угрызений совести от гибели его экипажа и пассажиров с детьми: ответственность за подобные «подвиги». Несмотря на ограниченность советских сил, попытки блокирования Обской губы и высадки гитлеровского десанта на Диксон отбиты, одна субмарина потоплена, а с разминированием Карского моря в 1945 г. война в Арктике закончилась.

Опыт, извлеченный из тех событий, имел последствия для дальнейшего развития Севера, судеб советских немцев и бывших солдат вермахта, которых окружающие называли одинаково несправедливо – «фашисты». Видимо, из страха смерти и ответственности за преступления некоторые рейхсдойче выдавали себя за австрийцев, чехов, венгров, голландцев и др.

События войны показали уязвимость арктического побережья, трудность его защиты при неразвитой инфраструктуре. В условиях начавшейся «холодной войны» это стало одной из сильнейших мотиваций при разработке проекта создания порта в Обской губе. Для этого планировалось протянуть нитку от Печорской магистрали и уже в апреле 1947 г. принято решение о строительстве порта в районе мыса Каменный. Созданное Главное (Северное) управление лагерного железнодорожного строительства (ГУЛЖДС) и «Стройка № 501» были рассчитаны только на труд военнопленных и заключенных ГУЛАГа. Д. Вик вспоминал: «За то, что мои родители – немцы, я пять лет находился за колючей проволокой. Нас, трудармейцев, называли фашистами. Слепое повиновение считалось нормальным явлением. В такой обстановке я научился бояться и молчать. Так ковались рабы... Непосильный труд, нищенская жизнь, недоедание и простуды вызывали массовые заболевания, приводили к быстрому истощению и высокой смертности. Чтобы снизить показатели смертности трудармейцев в лагерях решили самых слабых, безнадежных выбраковать – активировать» [2].

С июля 1946 по январь 1949 г. существовал регулярный исправительно-трудовой лагерь на 400 женщин в Чуме, где содержались и фольксдойче из Беларуси и Литвы. В воспоминаниях немцев (наших и «не наших») нашли отражение многие детали событий, в т.ч. и о лагпункте № 34, что находился в устье Оби в Новом Порту, где среди 1 600 заключенных оказалось и 30 немцев: «Заключенные живут в землянках и спят на нарах. Горючим материалом служит олений навоз. 70 % заключенных тяжело больны туберкулезом и цингой. Смертность высока. Во время моего плена умерло 10 немцев». Кроме смешанных, специальный лагерь находился на станции Лабитнанги, откуда

ежедневно отходили «транспорты с 300-600 военнопленными в различных направлениях» [3].

В 1949 г. выяснилось, что мыс Каменный не соответствует названию, а акватория непригодна для организации военно-морской базы. Порт стали строить в Игарке, развернутую «502-я стройку» ликвидировали, но прокладка Полярной дороги по линии Чум–Игарка длиной в 1 263 км представлялась актуальной. ГУЛЖДС разукрупнили, а в его составе были образованы управления Исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ), строительства № 501 (обязывалось проложить западную часть трассы Чум–р. Пур в 900 км) и № 503 (возлагалось восточное направление: р. Пур–Игарка в 600 км).

В тот момент подавляющее большинство военнопленных получило разрешение вернуться на Родину, что для оставшегося без дармовой рабочей силы руководства стройкой порождало проблемы. Поэтому часть пленных задержали, срочно осудив за военные преступления (явные и мнимые). Причем к 25 годам лагерей приговаривались лишь за принадлежность к СС, полиции, полевой жандармерии и другим подразделениям. Некоторые осуждались за то, что закупали у населения оккупированных территорий продукты и не всегда расплачивались [4]. Продолжали содержать в пересылке Лабытнанги до июня 1951 г. и 17 немцев из Кенигсберга, «хорошо запомнившие»: поножовщину, что устроили уголовницы в 1949 г.; опасное соседство с мужчинами-уголовниками в месяц отъезда.

В 1951 г. почти все строители были заключенными и спецпоселенцами: 24 % из них – осужденные по статье 58; 18 % – женщины. Одна из немцев, с июня 1949 г. по май 1951 г. работавшая в районе Салехарда в 5 женских колониях 501-й стройки, свидетельствовала: «Начало каждой колонны было всегда таким: останавливались посередине леса и сначала жили в палатках, пока строили бараки. Лагерь колонны обычно состоял из больших барачков, в которых размещалось от 300 до 500 женщин. Путь к рабочему месту составлял до 14 км. Нас строго охраняли два вооруженных солдата, иногда со сторожевыми собаками» [5].

Суровая природа, тяжелая работа, неустроенный быт, издевательства уголовников и охраны, скудное питание вызывали протестные акции, хотя и преимущественно пассивные – невыходы на работу из-за отсутствия теплой одежды и обуви, членовредительство. При этом продолжительность рабочего дня составляла 12 часов с обязательным условием выполнения предельно высоких норм выработки [6]. Имелась жесткая система принуждения: на основании Постановления СНК № 35 от января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» за каждый случай отказа от работы без уважительной причины, недобросовестное отношение к труду, а также за нарушение режима (побеги), самовольный уход, виновные подлежали наказанию в судебном порядке на срок до 10 лет ИТЛ [7]. При систематических нарушениях виновные привлекались к уголовной ответственности на более высокие сроки. Денежное вознаграждение выплачивалось лишь спецпоселенцу, но в случае выполнения 100 % нормы выработки за месяц, в размерах 85 % от суммы заработка и не должна была превышать 200 руб. Если норма выработки или сменное задание не выполнялись, заработная плата не выплачивалась [8]. Тем не менее случались побеги, особенно с прибытием на объекты и подданных Германии, в т. ч. бывших граждан Российской империи, которые после оперативно-следственной разработки происходила через проверочно-фильтрационные лагеря – «на 501-ю» – через ПечерЛАГ [9].

Темпы работ снизились и по объективным причинам – из-за реорганизации летом 1952 г. аппарат управления «503-й стройкой» был переброшен на новое место, а объединенное строительство было возложено на Управление ИТЛ и строительства № 501 ГУЛЖДС МВД СССР. Смерть И.В.Сталина внесла коррективы – уже в ноябре 1953 г. строительство трассы Салехард–Игарка прекращено. Спустя год МПС добилось ликвидации всех подразделений, кроме участка Чум–Лабытнанги, оконченного в 1955 г., когда, полагаем, были отпущены в Германию и последние из военнопленных. Вскоре

освобождены и советские немцы, строившие трассу Салехард–Игарка, где уже уложено 848 км пути, построено 75 рабочих поселков, 35 стационарных и 11 складских помещений. Самое удивительное, что осуществлялось движение поездов (хотя и по временной схеме) до Надыма – более 300 км, но и оно вскоре замерло – остались бараки и вышки бывших лагерей, заброшенные кладбища, разрушенные поселки, просевшие в тундру паровозы. Выпущенные из мест заключения вернулись, за редким исключением, в места прежнего проживания. Так закончилась одна из самых дорогих (более 4 млрд. руб.) – «Мертвая дорога», а лишь спустя полвека – с юга, от Трансиба пришла на Север железная дорога, в прокладке и освоении которой также участвовали немцы России, но уже без «ошейника НКВД».

Рождение неофашизма в современной России некоторые политологи объясняют социальной неустроенностью и экономической незащищенностью маргинально настроенной молодежи, но часто игнорируя те последствия забвения и охаивания советского прошлого, что обрушились в перестроечное время на людей с некритическим мышлением. Попытки радикалов и клерикалов увязать патриотизм только с православием, а образ советского солдата трактовать только в синонимичеом ряду с «русским солдатом», вызвали всплеск негатива по отношению ко всем нерусским согражданам. Есть и случаи получения прибыли непорядочными отечественными бизнесменами (в т.ч. немцами) от продажи нацистской символики, в т.ч. реплик значков Kriegsmarine за потопленные суда, в т.ч. мирные.

Только умная пропаганда и взвешенная научная оценка событий середины XX в. позволят объективно оценить информацию: о русских – власовцах и 11 немцах – Героях Советского Союза; жестокостях в ГУЛАГе и нацистских концлагерях.

1. *Atlas of the Second World War*. N.-Y., 1974. – P. 256; *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». Воспоминания советского разведчика. М., 1978. – С. 100.

2. *Вик Д. К.* Что такое ГУЛДЖ // Индустриальная Караганда. 1990. 3 июня.

3. *Deutsche in Straflagen und Gefaengnissen der Sowjetunion* von K. Baerens. B. 2. Muenchen. - S. 147, 157.

4. *Эйхельберг Е.* Военнопленные в Тюменской области // *Aus Sibirien – 2005: науч.-информ. сб.* Тюмень. 2005. - С. 144.

5. *Deutsche in Straflagen und Gefaengnissen der Sowjetunion* von K. Baerens. B. 2. Muenchen. - S. 147.

6. *РГВА. Ф. 1п. Оп. 37а. Д. 2. Л. 112-116.*

7. *Информационный центр Главного управления внутренних дел Тюменской области. Ф. 2. Оп. 1. Арх. 44. Л. 1-12.*

8. *РГВА. Ф. 1 п. Оп 37 а. Д. 1. Л. 114 об.-125 об.*

9. *ИЦ ГУВД ТО. Ф. 2. Оп. 1. Арх. 10919. Л. 1-6.*

MEMORIA

Кох О.О.

МАЛЬЧИК. ЭПИЗОДЫ БЫТИЯ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

DAHEIM²

«Пока Сталин жив, этого не будет», – сказала мать Мальчика в ответ на разговоры, начавшиеся сразу после начала войны, что скоро всех начнут выселять. «Всех» – это немцев Поволжья. Старики помнили и рассказывали, что такой план был еще у царя в конце Первой Мировой, что были погромы, и что они тогда уже вовсю готовились к отъезду, но помешала революция. Мать, учительница начальных классов и комсомолка, такие разговоры пресекала – мало ли что. Отец был в армии, призванный еще до войны. Там же жили еще брат отца – молодой тракторист, мать обоих братьев – Kochsmoder – Мать Кохов.

² Daheim (дома) так почти повсеместно до сих пор говорят пожилые российские немцы о прежней родине – Республике Немцев Поволжья.